

ЛЕВ
ГОРНУНГ

Лев Горнунг
**«СВИДЕТЕЛЬ
ТЕРПЕЛИВЫЙ...»**
Дневники, мемуары

Составитель
Татьяна Нешумова

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г69

Подготовка текста, предисловие и комментарии ТАТЬЯНЫ НЕШУМОВОЙ

Художник АНДРЕЙ РЫБАКОВ

В книге использованы фотографии из архивов М.А.Тарковской, К.М.Поливанова, Е.Б.Коркиной, Н.Г.Ордынского, А.А.Смирновой, Е.Ф.Шичалиной, наследников М.Б.Горнунга, потомков Д.С.Усова; Дома-музея Марины Цветаевой, Государственного литературного музея, Дома-музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме

Горнунг, Лев Владимирович.

Г69 «Свидетель терпеливый...» : дневники, мемуары / Л.В.Горнунг ; подгот. текста, предисл., коммент. Т.Ф.Нешумовой. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 761, [7] с., ил. — (Мемуары XX век).

ISBN 978-5-17-109114-9

Лев Владимирович Горнунг (1902–1993) — поэт и фотограф, автор мемуаров о русских поэтах XX века. В основу книги, составленной Татьяной Нешумовой, вошли дневниковые записи, которые Горнунг вел с юности. Разрозненно хранящиеся в государственных и частных архивах страницы этого дневника впервые воссозданы как единый текст, отразивший несколько десятилетий жизни московской интеллигенции с начала 1920-х до 1980-х годов.

В книгу также включены ранее не публиковавшиеся мемуарные очерки, дополняющие дневник, а также небольшая хрестоматия упоминаемых стихотворений. Издание снабжено вступительной статьей, подробным комментарием и именным указателем.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-109114-9

- © Горнунг Л.В., 2019.
- © Нешумова Т.Ф., подготовка текста, комментарии, именной указатель, 2019.
- © ООО «Издательство АСТ», 2019.

О Льве Горнунге, его дневнике и мемуарах

*Я не знаю, как я это сделал: я только видел, что ты
затруднялся, а я захотел тебе пособить, как умел.
Я всегда всё так делал, пока был на земле...*

Н.С.Лесков. Скоморох Памфалон

1

Льву Горнунгу было восемнадцать лет, когда в сентябре 1921 года он узнал о расстреле Гумилева. Этот выстрел разбудил его сознание. За стихами Гумилева в 1922 году он пошел в Румянцевскую библиотеку, о нем написал свои первые стихи — целую книгу стихов — «Валгала»¹. Это было странное чувство: любимый поэт только что был среди живых — и в один миг жизнь его оборвалась. Настоящее превратилось в прошлое.

Осознание хрупкости и невозвратимости бытия, не остановленного словом, отношение к современности как к истории заставило Горнунга вести дневник. В первые годы (1923–1926) это были оставшиеся еще с дореволюционных времен настоящие тетради. Потом у Горнунга не стало ни стола, чтобы писать, ни времени, чтобы делать длинные записи, ни лишних денег, чтобы позволить себе даже самый обычный блокнот, — осталась только потребность регулярной фиксации событий, редко — чувств (времена наступали все более и более немислимые). Тогда и появилась привычка записывать на клочках, на выдранных четвертинках листа.

Понимание, что слабый человек может противопоставить и сильному миру сего, и сильнейшему — времени — только слова, только буквы, только сохраненное в памяти, видимо, выработалось у Горнунга очень рано, когда вчерашний мальчишка стал записывать воспоминания современников о Гумилеве. С этого времени он старался фиксировать не только хронику своих «трудов и дней», но и литературные свидетельства о жизни минувших эпох, услышанные от старших современников.

---

¹ Экземпляр этой книги, принадлежавший отцу автора, хранится в Доме-музее Анны Ахматовой в Фонтанном доме. Название без удвоения согласных соответствует орфографии, принятой гахновцами вслед за манерой Г.Г.Шпета.

Последние тридцать четыре года своей жизни (за неделю до смерти ему исполнился девяносто один¹) Горнунг не видел белый свет: в 1959 году он ослеп. Его дневниковые записи этого времени больно читать: наползающие друг на друга аршинные буквы и строчки иногда невозможно разобрать.

У него появились литературные помощники. В начале 1970-х Горнунг стал диктовать им первые варианты своих воспоминаний. Отличительные черты повествования Горнунга — редкая скромность по отношению к собственной персоне и сфокусированность на фактологически точном рассказе о первых лицах русской поэзии XX века.

Некоторые из этих мемуарных очерков появились в печати в годы перестройки и уже давно вошли в золотой фонд русской мемуарной литературы. Сцены, запечатленные Горнунгом, «легко представить себе зрительно, с такой детальной точностью они описаны», — справедливо отметил первый публикатор его воспоминаний К.М.Поливанов². Благодаря Горнунгу мы хорошо представляем себе Ахматову, гостящую у Шервинских летом 1936 года, Волошина, приехавшего в Москву в 1924-м, Мандельштама середины 1920-х и начала 1930-х, молодого Арсения Тарковского. Горнунгу принадлежат едва ли не первые опубликованные воспоминания о расстрелянном русском философе Густаве Густавовиче Шпете. Невозможно переоценить его записи о «русской Сафо» — поэтессе Софии Яковлевне Парнок, о «крымском Чюрленисе» — Константине Федоровиче Богаевском. Никогда не публиковались, но интересны не менее, чем опубликованные, его мемуары о поэтах Борисе Садовском, Юрии Верховском, Александре Кочеткове и не столь известных Арсении Альвинге, Дмитриии Усове, Андрее Звенигородском, о талантливых братьях Фейнбергах — художнике и пианисте, о кратких встречах с Андреем Белым, Сергеем Городецким.

«Память у ЛВ была изумительная. Как-то он предложил познакомиться меня с <...> С.М.Богомазовым³, с которым не общался несколько десятилетий. Продиктовав телефон, он почувствовал мое недоверие и протянул старую записную книжку для проверки номера. Все точно!» — свидетельствует познакомившаяся с Горнунгом в конце 1970-х годов на почве общей любви к поэзии Н.С.Гумилева Н.М.Иванникова⁴. Исследовательнице жизни и творчества Марины Цветаевой Е.Б.Коркиной Горнунг так детально рассказал о комнате С.Я.Парнок, что стало возможным зарисовать ее план — он впервые публикуется в нашей книге. Для исследователей тогда еще не изданных русских поэтов Горнунг в конце жизни стал настоящей устной энциклопедией, человеком, который был свидетелем десятилетий неофициального существования русской интеллигенции и помнил, «кто есть кто».

1 Горнунг умер 14 октября 1993 г.

2 Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига–М., 1992. С. 183.

3 Богомазов Сергей Михайлович (1900–1983) — поэт, сценарист.

4 Иванникова Н.М. [Мемуарная заметка о Л.В.Горнунге] // Личный архив Т.Ф.Нешумовой.

2

Судьба дала Льву Горнунгу такой непростой жизненный старт, с которым и в мирное время не каждый справится, а ему пришлось вынести в годы юности все превратности семейной драмы на фоне русской революции и гражданской войны.

Лев Владимирович Горнунг родился в Москве 7 октября 1902 года в семье некрупного, но, видимо, небезуспешного коммерсанта Владимира Иосифовича Горнунга, химика по образованию, основателя торговой фирмы «В.И.Горнунг», через некоторое время преобразованной в торговый дом «В.Горнунг и К^о». «Фирма вела торговлю целым спектром различных товаров: чаем, винами, химической продукцией и промышленными товарами»¹. Старший брат Льва Владимировича Борис вспоминает «легкость получения книг на дом из огромной библиотеки Московского Купеческого собрания, членом которого состоял отец»², не чуждый литературных интересов. В.И.Горнунг сочинял рассказы и даже посылал их Льву Толстому³, отличался и общественным темпераментом: был «доверенным лицом А.И.Гучкова <...> на выборах в Государственную Думу; при Временном правительстве организовал Всероссийский Родительский союз», писал, по словам его внука, «безответные наивные письма-трактаты наркомуну просвещения Луначарскому» — в созвучии с прекраснодушными лозунгами и нашего времени — «о необходимости нравственно-эстетического воспитания школьников на основе мировой культуры и духовности»⁴.

Мать, Мария Филипповна Морель, которую Лев Владимирович довольно рано потерял и всю жизнь боготворил, была дочерью приехавшей в Россию француженки. Когда мать умерла, «он продал единственное свое сокровище — коллекцию марок, собираемую с детства, чтобы ее похоронить»⁵. Как-то уже ослепшего Горнунга пришел «навестить» сын прежних соседей по коммуналке. Он несколько раз переспросил, правда ли, что Лев Владимирович ничего не видит. Удостоверившись в полной слепоте беспомощного старика, гость снял со стены старинную икону, память о матери, и унес.

Лев Горнунг был вторым ребенком в многодетной семье. Старше его на два года был брат Борис, младше — брат Юра, сестры Леля, Ира, Нина.

В 1917 году, когда Льву исполнилось четырнадцать лет, отец ушел из семьи и почти перестал содержать брошенных детей и жену.

1 Соколов И.А. Чаеоторговые фирмы Российской империи и их товарные знаки: [краткий справочник] / под ред. В.А.Корнилова, С.А.Репинецкого, Н.М.Петрухненко. М., 2012. С. 17, 18.

2 Горнунг Б.В. Поход времени. Кн. 2: Статьи. Эссе. М., 2001. С. 342. Далее: *Поход времени* с указанием страницы.

3 Ответ Толстого В.И.Горнунгу // *Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений*: в 90 т. Т. 68. М., 1954. С. 102.

4 Горнунг М.Б. Поэт, ученый, человек // *Поход времени*. С. 447.

5 *Иванникова. Указ. соч.*

В первые послереволюционные годы он даже попадал в тюрьму¹. Борис и Лев обязаны были сами добывать себе пропитание: то небольшое, что отец все-таки давал, предназначалось для матери и младших. Ни о каком продолжении учебы, кроме самообразования, в таких обстоятельствах думать было невозможно. «Если б мог я нормально расти и учиться, если б была у меня какая-нибудь поддержка, чтобы с самого начала встать на ноги, чего-нибудь я добился бы», — записал Горнунг в дневник в 1934-м. Удивительно, что Борису все-таки удалось и закончить университет, и посвятить себя науке. Он был более сконцентрирован на личном росте, предельно рационален, склонен к лидерству; в написанных в конце жизни мемуарах обнажены его немалые амбиции — поэтические, филологические и мужские.

Лев был другой. Он не просто был теплее. Дарованная ему благодать сопереживания, отзывчивость, самозабвенная готовность помочь образовали совершенно уникальный дар человечности, который люди чувствовали и к которому прибегали. Он мог прийти и просто помочь прибрать комнату, сбегать в лавочку, поговорить с затосковавшим человеком (в этом особенно нуждался его старший друг поэт Альвинг), мог разобрать и расставить книги («Я выбран всеобщим библиотекарем»), раздобыть и притащить целый умывальник для далекой от быта С.Я.Парнок, регулярно привозить в рюкзаке тяжелые бутылки с керосином на дачу к Фейнбергам. То он по просьбе Бориса Пастернака летит на Волхонку помогать упаковывать работы его отца для пересылки за границу, то ходит по поручениям Ахматовой и записывает мемуары о Гумилеве, то поет колыбельные своему крестнику Андрею Тарковскому, то по просьбе высылаемой из Москвы Алисы Гутовны Усовой едет предупредить об этом ее мужа, Дмитрия Сергеевича Усова, отбывающего срок в «столице» Беломорканала, то после конфискации имущества арестованного историка и философа Н.Н.Авинова идет в самое пекло — на Лубянку — заявить о слишком уж наглом грабеже — это было, наверное, еще страшнее, чем ехать вестником в лагерь, но Горнунг не мог отказаться. Он получает письма из лагерей и ссылки — сначала от Николая Бернера, потом от Арсения Альвинга, потом от его жены, неординарной поэтессы Нины Подгоричани — с благодарностями и просьбами, всегда разными. Ведя записи о своих знаменитых современниках, Горнунг невольно нарисовал эпическую по масштабу картину своих «малых» дел. Задумываясь об этом, приходишь к выводу: да это же лесковский праведник! Живет, не замечая своей праведности, деятельное добро сделав обиходом и нормой повседневности.

«Душа у него чистая предельно, вроде хрустального дворца, в залах которого нет лишней мебели, нет нарочито эффектных украшений, но

1   Лето 1920 г.: «отец опять сидел в тюрьме по каким-то пустячным делам “спекулятивного характера”». (*Поход времени*. С. 344).

есть какая-то внутренне гармоничная четкость и законченность», — писал о двадцатидвухлетнем Горнунге Арсений Альвинг¹.

«Всемирная отзывчивость» Горнунга не ограничивалась родом человеческим. Он не просто останавливается на улице, чтобы помочь не дотягивающейся до корки хлеба голодной лошади, но и делает записи о ее страданиях в дневнике. А собаки и кошки! С какой нежностью он создавал целые серии их фотопортретов!

«ЛВ был строгий вегетарианец — ничего животного, кроме сыра, не употреблял». «Какой чудак!» — это было одно из сильных его «ругательств»².

«...Одному из самых удивительных людей, с которыми довелось встретиться» — так надписывает Горнунгу книгу своих переводов Эмили Дикинсон переводчица Вера Маркова 29 мая 1981 года.

3

Дневник Горнунга начинается записями 1923 года, но у нас есть возможность заглянуть за эту черту: сохранились его фотографии детских блаженных времен — трехлетний ангельский мальчик в платьице, вся семья (но без отца) на даче — и его единственное письмо к матери от 10 июля 1919 года:

«Дорогая мамика! ты, может быть, не получила моих писем, но я послал два длинных по почте и одно такое толстое, что нельзя по почте, и я его дал Михаилу Николаевичу вместе с мелкими деньгами и вещами. Но он все собирался, и наконец, прособирался, пока не стало поздно. Твое письмо от 18-го июня из Михайловки мы получили только сегодня (10 июля), когда уже знали, что ты в Лаптеве»³.

8-го июля утром Борис отослал тебе 1000 руб. и заказное письмо, а еще будет писать, если получит от тебя ответ на это письмо.

Мы тебе писали, что карточки у нас отобрали 17 июня, не знаю, получила ли ты то письмо. Хлеба сразу стало очень мало, только 1 ф. $\frac{3}{4}$, а теперь и совсем перестали давать по продовольственным. Получаем 1 ф. на мою детскую задаром, пополам с льянным семенем.

Амариллис цвел, я тебе писал уже... О Татьяне Федоровне я тебе писал в 2-х письмах. От нее не получали письма очень долго. 10-го июня получили. Она живет раньше Нового Оскола, в какой-то слободе Чернянке, тоже очень большой. Снимают 2 комнаты за 100 р. за лето. Муж недавно приехал сюда. Она собирается там остаться, хотя взяла с собою только 2500 р.

1 Альвинг А. Письмо В.Кривичу [1926] // Музей Ахматовой в Фонтанном доме. Ф. 10. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

2 Иванникова. Указ. соч.

3 Лаптево — село в Тульской области.

Чай кончился у нас, а кофею ½ коробки еще есть. Трошин к нам сюда не приходил. Я получаю обед в детской столовой “Кооперации”. Суп задаром, а второе за 1 р. 50 к. с хлебом, тоже льняным. В столовой, кроме детских, хлеб уже давно не дают.

Как-то в воскресенье перед кофеем мыл свою чашку, уронил и разбил на три куска. Попробую склеить. Письма пиши заказные, а не простые, если можно.

Маша с Василием уехали, и Елена Сергеевна тоже уезжает. Хотела сегодня, да все еще не выбралась, да, наверное, и не выберется. Кулицкий еще здесь, хотя показывается очень редко.

Клубники в Москве ужасно много. Еще по 20 и 17 р., но все-таки всю раскупают.

Напиши, как ты думаешь, не переменить ли нам к зиме распределение комнат, если квартира теперь будет пустая.

Поклон няньке и Ульяне.

Целую всех наших, уже больших, наверно, с пшенной каши, “маленьких”.

Будьте все здоровы.

Твой Левончик.

P.S. Марку для ответа кладу новую, “советскую”»¹.

Сохранилось стихотворение Горнунга о его счастливых дачных сезонах:

Новый Иерусалим (1911–1915)

Помню отроческие годы
После школьных в Москве уроков,
Темных зим, полусонных весен,
Дача в Новом Иерусалиме,
Прелесть летней жаркой поры.

Зелень сада, цветы на клумбах,
А в саду большие качели
Под высокой из бревен аркой,
И на толстой доске в два метра
Меж веревок легко стоять.

Вот возносишься прямо в небо,
Словно маятник сумасшедший,
Вниз оттуда и снова кверху,
И захватывает дыханье,
А в глазах мелькает сирень.

1 ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 90.

Позже, в низких лучах заката
Мы висим на своем заборе
И глядим, как проходит в город
Нашей крайней улицей стадо,
Блеют овцы и пыль столбом.

Что за мирное было время
До четырнадцатого года!
Прогоняли коней в ночное,
И на каждом вихрастый всадник
Без седла, за гриву держась.

А когда в дома и ворота
Страшная война постучалась,
Их отцы верхом потянулись,
Чтобы сдать и себя, и лошадь
На призывный воинский пункт.

Было сухо, леса горели,
Черный август повис над бездной,
О боях приходили вести,
Всюду беженцы появились —
Белорусский, польский народ.

Но у детства свои законы!
Мы сушили цветы в гербарий,
Их названья искали в книгах
И ловили неутомимо
Пестрых бабочек и жуков.

На ветру запускали змея,
В городки играли запоем,
И ребята всего поселка
Каждый день собирались в поле,
Где летал наш футбольный мяч.

Всей ватагой мы шли купаться
В живописной и тихой Истре,
Изогнувшейся так далеко,
К ней дорога — цветущим лугом
И бегом сквозь кусты к реке.

Раздеваемся, загораем,
Как лягушки прыгаем в воду,
Звонкий смех, и крики, и брызги —
Я с Борисом и все мальчишки,
Наши сверстники и друзья.

У воды цветы и стрекозы
Под песчаными берегами,
Ежевика и хмель повсюду,
А вдали освещаемый солнцем
Белый с золотом монастырь.

Возвращаемся возбужденно,
Дома ждет нас к обеду мама,
Моем руки, за стол садимся,
Пахнет свежими огурцами,
Земляничкой и молоком.

День проходит невероятный,
Шумный, радостный и счастливый,
Сад темнеет, и в небе звезды,
И к подушке голову клонит
Непробудный мгновенный сон¹.

4

После ухода отца Горнунги жили на два дома: мать с младшими оставалась в квартире на Пресне, а отец поселился в отдельной квартире на Балчуге и вскоре, боясь уплотнения (все же неотвратимого), прописал у себя старших сыновей. В октябре 1922-го на семью обрушивается еще одно несчастье: погибает, попав под трамвай, шестнадцатилетняя Леля. Не пройдет и двух лет после этой беды, как от чахотки угаснет мать. Младших детей было решено забрать на Балчуг; все ютились в двух комнатках квартиры, соседствуя с семейством гэпэушника. Летом 1925 года отец уехал из Москвы, но осенью брат Борис привел в дом жену — имевший до того хоть какой-то свой угол Лев потерял и его. В 1926-м у Бориса родился сын, и заботы о младших сестрах и брате почти целиком легли на плечи Льва: отец присылал иногда деньги, но редко — в Сибири он пережил еще один арест, завел новую семью, о чем в Москве узнали только после его смерти; Борис отделился и ограничил круг своих обязанностей попечением о жене и сыне.

Пастернак, однажды — в начале 1920-х — наблюдавший в трамвае за Горнунгом и его знакомой, напророчил ему скорую женитьбу. Он был прав психологически — при нормальном порядке вещей юношеская любовь и могла бы привести к брачному союзу, — но жена — ведь это еще одна забота, это необходимость хоть сколько-нибудь похожей на человеческую жилплощади, постоянного заработка — а ничего этого у Льва, не имевшего никакой «специальности», не было и не могло быть до тех пор, пока не подросли его брат Юра и сестры.

1 РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 3. Ед. хр. 651. Л. 57–59. Стихотворение 1965 г.

В 1927-м выяснилось, что сестра Нина неизлечимо больна туберкулезом, в 1929-м она умерла. «Все проходит, все забывается. И все-таки я не могу забыть много<го>: ни Лелиной ужасной смерти, ни последних лет несчастной моей матери, ни злополучной Нининой жизни. Все это было мне и близко, и дорого, а свое несчастье легче перенести мне, чем видеть чужое», — писал Горнунг Альвингу.

5

Летом 1922 года в Новом Иерусалиме Борис, девятнадцатилетний Лев, их друг, филолог Максим Кенигсберг, и Нина Волькенгау решили издавать машинописный журнал — «Гермес»¹.

Первый номер вышел в июле 1922-го, второй — в декабре 1922-го, третий в сентябре 1923-го и четвертый — в июле 1924 года.

Это был едва ли не первый опыт литературного самиздата в Советской России. Тираж журнала — двенадцать машинописных экземпляров. Горнунг публиковал в нем свои стихи, рецензии на современные поэтические книги, рисовал обложки и печатал на машинке все одобренные редакцией материалы. Из гермесовцев он был самым младшим и, кажется, единственным, не имевшим университетского филологического образования. Поэтому участие в этом журнале было для него важнейшей литературной школой.

Рецензии Горнунга в «Гермесе», мальчишески угловатые и задиристые, но старающиеся казаться академически взвешенными, выдают в нем еще большего консерватора, чем предположил прочитавший его первые стихи летом 1923 года Мандельштам, посоветовавший Горнунгу «не презирать современных поэтов», так как «на них благословение прошлого»². Ходасевич «Тяжелой лиры» казался Горнунгу слишком натуралистичным и «раздутым за последнее время все-таки не по заслугам»³, маленькая поэма Вагинова «Ночь на Литейном» — «бестолковой, беспорядочной и потому характерной для автора, иначе не пишущего»⁴, а стихи Фредерики Наппельбаум — «безукоризненными»⁵. Самой высокой его оценки удостоивается «Лоза» Софии Парнок: «Мудрый дух античности являют многие ее стихотворения, облеченные в безукориз-

1 Подробнее о «Гермесе» и его участниках см. ниже, в «Жизнеописании» Горнунга, его дневниках и примечаниях к ним.

2 Письмо (см. прим. к дневниковой записи от 26.12.1923) впервые опубликовано в кн.: Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. Воронеж, 1990. С. 30.

3 «Право же, стоит ли поэзии описание ремешка повесившегося или же сообщение о том, что “замирает сердце, как в тисках, от лишнего стакана чаю”. К чему этот будничнейший натурализм? Все это ниже поэзии. <...> Кого он хочет убедить своей проповедью аморализма? Она уже не нужна в наше время» (из рецензии Горнунга на «Тяжелую лиру» Ходасевича. См.: Гермес. 1923. № 3. С. 378–379).

4 «Кузмин в “Абракасе” возлагает на него большие надежды, но мы от подобных надежд уклонимся» (из рецензии Горнунга на сборник «Звучащая раковина». Там же. С. 439).

5 Рецензия на книгу «Город. Литература и искусство. Сборник первый. Петербург. 1923». Там же. С. 490.

ненную форму. Вообще книга, не имея ярких красочных образов, поражает своей глубиной в отношении содержания, что роднит ее с нашей классической поэзией. Остается досадовать, что у нас сейчас подобные явления проходят совершенно незамеченными», «Точные рифмы, точные строгие метры классического канона, вечно юного во времени и пространстве. Ясная тема, к которой давно пора вернуться нашей поэзии после стольких невзгод и болезней, перенесенных ею»¹.

По наблюдению К.М.Поливанова, литературная позиция гермесовцев находилась под влиянием Г.Г.Шпета: «Их представления о необходимости появления нового классицизма и выраженная антифутуристическая позиция прямо проистекали из взглядов Шпета на литературную эволюцию». Логичным представляется предположение исследователя, «что в основе неприятия футуризма у единомышленников Шпета из круга “Гермес” лежали не только эстетические взгляды, но и реакция на стремление футуристов стать выразителями и распорядителями государственной политики в искусстве»².

В 1923 году Лев Горнунг посвящает Шпету стихотворение «Должно быть, обезумевший портной / Скроил меня потомству в назиданье / Чтоб грубое мое существованье / С тех пор отягощало шар земной...», в 1928-м — посылает ему свои последние стихи, как пишет в записочке, «по традиции что ли».

Его стихи середины 1920-х — стихи оглядывающегося, а не глядящего вперед человека. Это почувствовал Г.И.Чулков, который писал Горнунгу 19 июня 1927 года: «Я с большим удовольствием прочел Ваши стихотворения. Я в них чувствую дыхание поэзии и, хотя, кажется, Вы считаете себя ушедшим от символизма в какую-то иную сторону, я все-таки думаю, что лучшее в Ваших стихах — как раз их символистская природа».

Не стану корить Вас за некоторые неточности и неясности (их очень мало), ибо Вы настолько определившийся поэт, что сами их знаете. На Ваших путях легко достигнуть формального совершенства. Но что для меня не совсем ясно: жаждет ли Ваша душа смиренно подчиниться Логосу или Вы хотите своеволичить на свой риск и страх? От этого зависит судьба Вашей поэзии»³.

И дело не в том, что Чулков говорит на символистском языке, устаревшем уже и для Мандельштама, а в том, что стихи Горнунга действительно рассказывали о невыразимом, тайном движении внутренней жизни. Ближе всего его голос к тихим, но вполне определенным голосам «последних символистов» Лозинского и Балтрушайтиса. Не случайно, по словам Горнунга, Г.Г.Шпет собирался финансировать выход его книги на паях с Балтрушайтисом. Прямых высказываний Шпета о стихах Горнунга не сохранилось, но догадаться о нелитературной причине

1 См.: Гермес. 1923. № 3. С. 368.

2 Поливанов К.М. [Вступительная заметка] // Горнунг Л.В. Мои воспоминания о профессоре Густаве Густавовиче Шпете // Шестые Тыняновские чтения. С. 183.

3 РГБ. Ф. 697. К. 1. Ед. хр. 24. Л. 1.

его сочувствия к Горнунгу мы можем, читая шпетовский комментарий к «Запискам Пиквикского клуба». Так же, как и юный Диккенс, молодой Лев Горнунг «был совершенно заброшен и оставлен без всяких надежд».

Отказ от навязываемого советской действительностью обращения к сегодняшнему дню и художественного новояза, идеализация классических образцов прошлых культур, поиск их обновленного понимания объединяли Горнунга конца 1920-х — начала 1930-х и с Александром Кочетковым, и с Сергеем Шервинским, и с Леонидом Фейнбергом.

Наметившийся в конце 1920-х отход Горнунга и от бывших «гермесовцев», и от старшего поэта — Арсения Альвинга, во многом повлиявшего на него в первые годы знакомства, — это, с одной стороны, обыкновенное взросление, переход от «мы» к «я», — но и отчасти бунт против литературной школы в принципе. В январе 1927 года Горнунг записывает: «Для того чтобы писать стихи — достаточно уметь прекрасно мыслить. Никакие технические правила для этого не нужны <...> Право же, не представить себе Баратынского, умышленно занятого словесной инструментальной, и Пушкина, разрешающего формальные задачи. Это, при хорошем вкусе и прочих условиях, было не нужно. Поэтому как ни хорош Кузмин, как ни высоко развито у него (и у Мандельштама и пр.) искусство прекрасно мыслить, он иногда стремится к эффекту и к позе, и его нежность, прекрасная, изумительная нежность, не слишком девственна. Он все-таки больше стилист»¹.

Забавно, что именно «ум» Горнунга-поэта отметил в своем отзыве, записанном Д.С.Усовым 7 апреля 1932 года, Б.А.Садовской: «Пером сердитым водит ум» (Лермонтов) — эпитафия ко всему творчеству Л.Г.

Путь идет от Баратынского к Гумилеву, и даже к Ахматовой — лучше бы — обратно.

Поэзия Г. — смесь скрипки со скульптурой: скрипка — благородный, прекрасный инструмент, но на нем легко брать фальшивые ноты. Ваяние — чистое благородное искусство, но наряду с мрамором попадает в гипс.

Стихотворения часто портятся неудачными концовками («Сентябрь» — губка в руках школьника, ассоциация чернил; «Кремлевская набережная» — поэт изображает, и очень хорошо — и вдруг: «таинство наитий»; прекрасный сонет «Наверно обезумевший портной» испорчен непонятным «антиподом»). Бывают очень неудачные образы: «гнездится ловкость», «Петрополь нас зовет в сады Эреба» (по мнению Б.А.Садовского, не надо припутывать античность к Петербургу). Стихи 30–31 г., к сожалению, слабее («Несет меня поезд» — даже будто какой-то поворот к Некрасову). Вообще поэт должен не искать источников (как бы они ни были чисты), а сам прорывать их.

Одно из лучших стихотворений — «Льдины».

1 ГЛМ. Ф. 397. Оп. 2. Ед. хр. 14. Лл. 1–1 об.